

O. H. Tybacee

11 R. Moszynski, Kultura Indowa Słowian. Część I. Kultura materialna, Kraków, 1929, стр. 113.
12 V. Maček, ykasz. стр. 204.
13 Tam же, стр. 447.

S. KAKULÉ. Recherches sur l'histoire de la langue osmanlie des XVIe et XVIIe siècles. Les éléments osmanlis de la langue hongroise. — Budapest, Akadémiai kiadó, 1973, 660 стр. (Bibliotheca Orientalis Hungarica, XIX)

колота С. (ш.) Каким, ученые патри-
арха современной тюркологии в Венгрии
акад. Ю. Немета.
Одним из традиционных направлений
венгерской тюркологии является изу-
чение и издание памятников тюркского

В цензурная книга «Рассыскания по истории османского языка XVI и XVII вв. Османские элементы венгерского языка», написанная и переведенная с латинского, является типом многоязычного языка известного венгерского ученого

языка, связанных с историей Венгрии, венгров и венгерского языка¹. Ж. Какук в своих обстоятельных исследованиях продолжает и развивает это патристическое направление венгерской тюркологии.

Начиная с И. Кунопа, венгерские тюркологи, понимая важность изучения османизмов в венгерском языке, опубликовали целый ряд исследований на эту тему, но ни в одном из них, как подчеркивает автор рецензируемой книги, этот сюжет не является самодовлеющим и не рассматривается со всех возможных точек зрения. Единственным трудом, анализирующим большое число слов османского происхождения, является исследование И. Книежа о славянских заимствованиях в венгерском языке². Этот труд содержит, однако, только слова, вошедшие в венгерский язык через посредство южных славянских языков (стр. 5).

Ж. Какук, под благотворным влиянием своего учителя Ю. Немета, принялась в 1951 г. за изучение османизмов в венгерском языке. В целях создания необходимого надежного основания для этой работы, она стала заниматься изучением истории и диалектологии турецкого языка; в процессе этой подготовительной работы стало ясно, что изучение османизмов в венгерском может представлять интерес не только для венгерского языковедения, но в равной мере и для османистики; в силу сказанного возникла необходимость обратиться к транскрипционным памятникам турецкого языка XVI—XVII вв. (стр. 6).

Книга Ж. Какук состоит из «Предисловия» (стр. 5—6), «Введения» (стр. 7—15) и двух частей. Ч. 1 «Османские элементы венгерского языка» (стр. 17—434) открывается таблицами турецких гласных и согласных и их соответствий в венгерском, сербскохорватском, македонском, болгарском, албанском, румынском, новогреческом языках (стр. 19—21); затем следует лексикон турецких слов, в разное время заимствованных и усвоенных венгерским языком (стр. 22—434).

¹ См., например: J. N é m e t h, Die türkischen Texte des Valentin Balassa, «Acta Orient. Hung.», II, 1, 1953; е го ж е, Die türkische Sprache in Ungarn im siebzehnten Jahrhundert, Budapest, 1970; S. K a k u k, Les manuscrits inédits de Kossuth sur la langue turque, «Acta Orient. Hung.», XII, 2, 1969; G. H a z a i, Das Osmanisch-Türkische im XVIII. Jahrhundert. Untersuchungen an den Transkriptionstexten von Jakob Nagy de Harsány, Budapest, 1973; Ж. К а к у к, Тюркологические исследования в Венгрии, «Советская тюркология», 1974, 1.

² I. K n i e z s a, A magyar nyelv szláv jövevényzavai, Budapest, 1956.

Лексикон, содержащий около 1300 турецких, а также арабских и персидских слов, проникших в венгерский язык через турецкий, разработан весьма тщательно с соблюдением строгих правил этимологических исследований, с обязательной справкой по соответствующим словарям и установлением исходного значения и «национальной» принадлежности каждого слова.

По наблюдениям автора исследования, турецкие заимствования венгерского словаря образуют три слоя: 1) заимствования из тюркских языков чувашского типа (булгарский или хазарский), которые проникли в венгерский язык в VII—IX вв., т. е. еще до завоевания венграми территории их нынешнего обитания; 2) заимствования, привнесенные в венгерский язык утвердившимися в стране в XI—XIII вв. печенегами и куманами-половцами, говорившими на языках кыпчакского типа; 3) заимствования из языка турок-османов, говоривших на языке огузского типа, оккупировавших в XVI—XVII вв. центральную часть Венгрии и подчинивших себе восточную часть страны и Трансильванию (стр. 5).

Ч. 2 книги посвящена сравнительно-историческому исследованию османизмов в венгерском языке в фонетическом, морфологическом и лексикологическом аспектах (стр. 435—546). Книгу заключают перечень «Сокращений» (стр. 547—566) и «Индекс» (стр. 567—656) имен нарицательных, собственных, а также топонимических названий османского, арабского, персидского, венгерского, сербскохорватского, болгарского, македонского, албанского, румынского, древнегреческого, новогреческого, итальянского, латинского, немецкого, русского происхождения, упомянутых в первых двух частях книги.

Во «Введении» подчеркивается большое значение турецких транскрипционных текстов для изучения истории фонетического и морфологического строя османского языка (стр. 7). Здесь же отмечается, что применявшиеся системы транскрипций весьма различны и число их определяется числом транскрипционных памятников; использование латинской азбуки для целей транскрибирования турецких текстов в традициях итальянской, немецкой, венгерской, польской практики столь различны, что представляют немалые трудности для исследователя. Характерной чертой транскрипционных текстов является то, что составителями транскрипционных текстов были иностранцы, для которых турецкий не был родным языком. Это обстоятельство имело свои положительные и отрицательные стороны. Положительное состояло в том, что лица, записывавшие эти тексты, не находились под привычным для турок воздействием условностей араб-

ского письма в применении к турецкому языку. Отрицательное обуславливалось несовершенным знанием турецкого языка записывавшими тексты, чем усиливалась опасность искажений и ошибок при записях. В процессе ассимиляции новых лексических элементов звуки, отсутствующие в фонетическом строе заимствующего языка, трансформируются по его фонетической модели (стр. 8—9).

Рецензируемая книга, по словам автора, «ставит своей основной целью изучение османских элементов венгерского языка; задача состоит в том, чтобы восстановить фонетический облик турецкого слова, услышанного и зарегистрированного венгром в той или иной форме в XVI—XVII вв. Такой подход оправдывает наш метод, — продолжает Ж. Какук, — который состоит в том, чтобы изучать лингвистические факты, не отделяя заимствованные слова от тех слов, которые уже не существуют или обнаруживаются в венгерском языке в единичном использовании, не отделяя имена нарицательные от имен собственных, не отделяя слова, отражающие вмешательство южнославянских языков, от таковых же, появившихся в результате прямого заимствования в венгерский язык... Слова в лексиконе расположены в соответствии с турецкими словами-основами; вариант, указанный как слово-основа, совпадает в большинстве случаев с современной формой общенародного или литературного турецкого языка. Если слово уже не существует в турецком языке, мы выбирали вариант, который в старом языке казался наиболее употребительным.

Сложные и производные слова представлены отдельными словарными статьями. Отсылки даются на элементы общего происхождения... Равным образом отсылки делаются к словам, в которых только вторая часть композита предполагается им родственной.

Среди слов-основ имеются слова, снабженные звездочкой. Эти слова, как правило, сложные; они должны были бы существовать, судя по данным венгерского, или других языков, но они не фигурируют в тех турецких источниках, которые использованы в данной работе.

В лексикон введено несколько слов, принадлежность которых к изучаемому материалу является сомнительной. Подобные примеры представлены двумя типами: в первом случае невозможно определить, попало ли это слово в венгерский язык прямо из османско-турецкого языка, или оно было заимствовано раньше (до завоевания венграми нынешней территории, или оно представляет собою печенежско-куманское заимствование); во втором случае, более распространенном, имеются в виду слова греческого или итальянского корня, усвоенные балканскими языками и через их посредство

или непосредственно из греческого или итальянского языков и проникшие в венгерский язык без помощи турецкого языка» (стр. 8—9).

Каждая словарная статья состоит из трех разделов: 1) турецкое слово, заимствованное венгерским языком (в венгерской графике); 2) то же слово в графике балканских языков и со значениями, им присущими; 3) то же слово в современной турецкой графике, его значение и этимология. Османизмы венгерского языка извлечены из источников, датированных XVI—XVII вв. Эпоха турецкого господства в Венгрии началась со времени завоевания Буды (позднее: Будапешт) в 1541 г. и продолжалась до 1686 г.; в действительности же турецко-венгерские взаимосвязи установились несколько раньше.

Использовались преимущественно печатные источники на венгерском языке. Единственным исключением является труд А. Барталя (Antala Bartal), озаглавленный «Glossarium mediæ et infimæ latinis Regni Hungariæ» (Budapest, 1901); он составлен на основании латинских манускриптов, обнаруженных в Венгрии. Значительную часть материала составляют исторические труды: государственные документы, парламентские протоколы, донесения послов указанной выше эпохи. Путевые заметки, донесения послов и представителей Отоманской Порты являются чрезвычайно важным материалом, как и письма некоторых пашей Буды, выполненные венгерскими писцами. Публикации архивных документов, поступивших с оккупированной в свое время турками территории, также дают обильный материал, равно как и фамильные архивы, особенно тех семей, которые находились в политических, военных и других отношениях с турками. Автор широко использовала также и литературные источники: многочисленные сочинения в прозе и еще больше в стихах, накопившиеся в течение полутора веков турецкой оккупации (стр. 10—11).

Особое внимание Ж. Какук уделила турецким транскрипционным памятникам, а также словарям, в которых отмечается «национальная» принадлежность слова; учитывались также многочисленные словарные заимствования, существующие в турецких диалектах Балкан.

Вторая часть рецензируемой книги посвящена сравнительно-историческому исследованию фонетики, грамматики и лексики фактического материала, содержащегося в его первой части. Изучение заимствований с точки зрения языка — источника заимствований — метод, достаточно хорошо известный в языкознании; до последнего времени, справедливо замечает Ж. Какук, эта возможность мало использовалась в области изучения османского языка (стр. 14).

Словарь османизмов венгерского языка разработан превосходно — он будет служить эталоном для подобного рода исследований и явится очень полезным справочным пособием для этимологических разысканий. Каждая словарная статья, технически безукоризненно построенная и набранная, представляет собой законченное монографическое описание истории слова — его фонетического облика, развития семантики османизма в его использовании в венгерском и балканских языках, выявления этимологического состава и «национальной» принадлежности слова, сопровождающихся точным описанием исторических реалий.

Этимологический состав отдельных слов, предложенный в исследовании Ж. Какук, может быть уточнен.

bayrak «drapeau» (стр. 61) — по мнению автора, слово персидского происхождения со ссылкой на «mais cf. Doerfer [Türkische und mongolische Elementen im Neupersischen, Wiesbaden, 1965], II, стр. 385». Г. Дёрфер высказался в пользу древнетюркского происхождения этого слова; подробнее о тюркской этимологии этого слова можно почерпнуть сведения из статьи М. Кёпрюлю (см.: Doerfer, II, 386), по мнению которого *bayrak* < *bad-ir-ak*, *bad-* «погружать; вонзять; втыкать»; ср.: *sancak* «знамя» < *sanc-* «вонзять».

«*değenek* „bâton court et mince“ — Dérivation obscure ou mot d'origine grecque» (стр. 120). Однако можно предложить объяснение происхождения этого слова, основываясь на фактах турецкого языка: *değenek* > *değnek* < **degin-* (страдательно-возвратная форма от *değ-* «касаться; достигать») или *dayan-* «опираться» + *-k* — аффикс отглагольных имен существительных, обозначающих орудие действия; ср.: *dayak* ~ *tayak* «палка; опора»; *daya-* «подпирать»; *dayan-* «опираться».

«*Istanbul* — Nom de lieu d'origine grecque; cf.: eis tin polin» (стр. 200). Традиционное объяснение названия бывшей столицы Турции представляется неудовлетворительным. Более вероятное предположение: *Istanbul* < араб. *Konstanbol* (< греч. *Konstantinopol*) с утратой начального слога *kon-* и возникновением протезы *i*, устраняющей дусогласное начало слова **stanbol* > *istanbol* > *istanbul*; ср. франц. *station* > тур. *istasyon*.

«*kara* — surnom < „noir“» (стр. 218). Маловероятно, чтобы имя собственное (например, *Kara han* — основатель династии караханидов) имело значение «черный»; во всяком случае, следовало бы указать и другие значения *kara*, более подходящие для мужского имени собственного; *kara* в ряде широко известных сочетаний имеет значение «большой; крупный»: кирг., уйг., каракалп., югайск. и др. *kara mal* «крупный рога-

тый скот»; турецк. *kara ev* = *büyük çadır*³; татар., башк., уйг. *kara orman* «дремучий лес»; общетюрк. *kara kuş* «орел, беркут» (< «большая птица») ⁴. То же следует сказать и о слове *karaja* — nom de personne < „noirâtre“» (стр. 219).

«*Korkut* — nom de person < „terrible“» (стр. 246). Наиболее вероятной среди ряда существующих этимологий этого имени следует признать следующую: *korkut* «увещатель; проповедник; наставник» ⁵.

«*lakirdi* „parole“; „discoure; parole vainne“» (стр. 261). Убедительную этимологию этого слова предложил Н. К. Дмитриев ⁶.

«*oda* „compagnie de janissaire“» (стр. 306); происходит из согд. *ōtāk* «страна» (ср.: *jurt* «страна»; «юрта; дом»); оно известно в тюркских, монгольских, тунгусских языках ⁷.

«*öküz* — surnom; *öküz* „boeuf“, „taureau“» (стр. 315); *öküz* < кучавск. *okso* ⁸.

«*pastırma* „viand pressée et séchée“. Dérivé du verbe *basdır-* „faire presser“» (стр. 319—320). Есть более вероятное предположение о происхождении этого слова, возводящее его к греческому языку ⁹.

«*paşa* „pacha“; *başa* „bacha des janissaire“... Mot d'origine discutée» (стр. 320—321). Автор отдает предпочтение предположению, возводящему слова *paşa* к персидскому *padīšāh*. Следует различать *paşa* и *başa*, второе из них, по всей вероятности, произошло в результате сложения

³ «Tarama sözlüğü», IV, Ankara, 1969, стр. 2259.

⁴ См. еще: О. P r i t s a k, *Qara. Studie zur türkischen Rechtssymbolik*, сб. «Z. V. Togan'a armağan», İstanbul, 1955.

⁵ См.: «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос». Перевод акад. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов, М.—Л., 1962, стр. 164; см. также: L. B a z i n, *Le nom propre d'homme «Qorqut». Discussion étymologique*, UAJb, 36, 3—4, 1964.

⁶ Н. К. Д м и т р и е в, *Строй тюркских языков*, М., 1962, стр. 55—58.

⁷ См.: Б. Я. В л а д и м и р ц о в, *Общественный строй монголов*, Л., 1934, стр. 133; ср.: G. C l a u s o n, *An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish*, Oxford, 1972, стр. 46; G. D o e r f e r, указ. соч., II, стр. 66—69.

⁸ См.: G. C l a u s o n, *The Turkish elements in 14-th century Mongolian*, «Central Asian journals», V, 4, 1960, стр. 307, 310; D. S i n o r, *Some Altaic names for bovines*, «Acta Orient. Hung.», XV, 1—3, 1962, стр. 315—324.

⁹ См.: М. Ф а с м е р, *Османские этимологии*, «Живая старина», II—III, СПб., 1909, стр. 92.

baş+ağa — высший чин в янычарском таблице о рангах¹⁰.

Исследование фонетического строя османских заимствований в венгерском языке (стр. 437—506) начинается с описания турецких гласных и согласных и их преобразований в процессе заимствования. Для того чтобы преодолеть трудности при определении качества и характера фонем османского языка XVI—XVII вв. по транскрипционным текстам, записанным латинской азбукой преимущественно в применении к практике венгерского языка, необходимы специальные знания, отменное трудолюбие и многолетний опыт. Ж. Какук, обладая всеми этими достоинствами, представила точное описание османской фонетики в связи с адаптацией османских заимствований венгерским и балканскими языками. Особое внимание она уделила усвоению и передаче на письме тех османских звуков, которые отсутствуют в ряде языков, воспринявших эти заимствования и, естественно, не имевших специальных литер для передачи таких звуков.

¹⁰ См.: G. D o e r f e r, указ. соч., II, стр. 423. Ср. также: Й. Б л а ш к о в и ч, Тюркологические исследования в Чехословакии, ВЯ, 1975, 1, стр. 124.

В разделе «Морфология» (стр. 507—515) кратко рассматриваются склонение, образование формы множественного числа, спряжение некоторых глагольных форм, словообразование имен и глаголов, сложные слова.

В разделе «Лексика» (стр. 516—546) анализируются усвоенные венгерским языком имена нарицательные и собственные (антропонимы и топонимы) турецкого, персидского, арабо-персидского, арабского, греческого, итальянского, славянского происхождения. Раздел завершается анализом различных слоев османско-турецких элементов венгерского языка в плане установления языков и диалектов — источников заимствований (стр. 527—546).

Книга Ж. Какук, опирающаяся на тщательно продуманную методику, основывающаяся на большом фактическом материале, который анализируется на фоне аналогичных данных ряда балканских языков, является образцовым исследованием в трудной области сравнительно-исторического изучения заимствованной лексики в словарном составе неродственных языков.

А. Н. Кононов

«Хрестоматия по истории русского языкознания»,
сост. Ф. М. Березин, под ред. чл.-корр. АН СССР
Ф. П. Филина. — М., изд-во «Высшая школа», 1973, 503 стр.

Для развития любой науки важны исследования, в которых раскрывались бы причины и условия ее зарождения, была бы показана борьба и преемственность взглядов и точек зрения на различных этапах ее истории, смена концепций и гипотез, обогащение и совершенствование методики исследования, обобщался бы опыт лучших ее представителей, характеризовалось современное состояние науки и указывалось на нерешенные еще задачи. Не составляет в этом отношении исключения и языкознание. Создание исследований, призванных осветить с марксистско-ленинских методологических позиций историю отечественного языкознания, является одной из актуальных задач советских языковедов.

В советское время проблемы истории отечественного языкознания привлекали внимание ряда ученых. Разделы по истории русского языкознания, хотя по необходимости и краткие, имеются в немногочисленных пока монографиях и учебных пособиях, содержащих исследования или обзоры развития лингвистической

мысли в различных странах¹. В этой области трудились Л. В. Щерба, Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, Н. С. Поспелов, П. С. Кузнецов, С. Б. Бернштейн, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, Н. С. Чемоданов и другие крупные ученые².

¹ См., например: Р. О. Ш о р, Краткий очерк истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX века, в кн.: В. Т о м с е н, История языковедения до конца XIX в., М., 1938; Я. В. Л о я, История лингвистических учений. Материалы к курсу лекций, М., 1968; М. В. Ч е р е п а н о в, Общее языкознание, Саратов, 1969; В. А. З в е г и н ц е в, История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, М., ч. I—1964, ч. II—1965; Н. А. К о н д р а ш о в, Общее языкознание (Курс лекций), ч. 1 — История языкознания, М., 1972.

² См., например: Л. В. Щ е р б а, И. А. Бодуэн де Куртэнэ и его значение в науке о языке, в кн.: Л. В. Щ е р б а, Избр. работы по русскому языку, М.,